

УДК 1 (091), 30(304.9)

**ПРОЕКТЫ НОВОГО МИРОВОГО УСТРОЙСТВА.
От национальных государств к глобальным институтам
управления**

Ю.Д. Гранин

ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва

Анализируются различные проекты нового мирового порядка в XXI столетии. Большинство из них опирается на идею отмирания «национальных государств» и вступления человечества в эру «глобальных институтов». По мнению автора, национальные государства еще не исчерпали своих возможностей. Поэтому перспективы развития человечества в обозримом будущем связаны не с «глобальным гражданством», «мировым правительством» или «космополитическим государством», а с использованием механизмов международной интеграции.

Ключевые слова: *государство, космополитизм, национальный, правительство, прогноз.*

Дискуссии о будущем современного миропорядка продолжают не одно десятилетие. В значительной мере их накал и незавершенность связаны с набирающим силу процессом глобализации (интеграции) человечества, амбивалентностью и неопределенностью ее нынешней исторической фазы [2–5]. Последнее обстоятельство создаёт проблемы для дальнейшего существования национальных государств как наиболее распространённой институциональной формы общежития, стимулирует появление многочисленных моделей будущего политического жизнеустройства мирового сообщества. Среди наиболее популярных политические проекты грядущего «сетевого общества» (М. Кастельс), «континентальных федераций» (А.Г. Дугин), «общества множеств – рес-коммуны» (А. Негри, М. Хардт), возглавляемой США «глобальной демократической империи» (Н. Фергюссон), «глобального гражданского общества» (Д. Дарендорф, Э. Гидденс), «глобального гражданства» (Ю. Хабермас, М. Эван) или «космополитического государства» (У. Бек).

Кроме того, рост, обострение и масштаб глобальных проблем стимулируют исследователей на предложения о создании новых глобальных институтов. В числе последних – сделанное осенью 2018 г. предложение шведского философа, директора Института будущего человечества Оксфордского университета Ника Бострома о создании наднационального «специального комитета» для сдерживания неуправляемого научно-технологического прогресса. О продуктивности этой (и сходных с ней) идеи (й) я еще выскажусь. А по мере изложения в тексте данной статьи я постараюсь показать, что современные национальные государства еще не утратили свой исторический ресурс. Поэтому перспективы развития человечества в обозримом будущем связаны не с «глобальным гражданством», «мировым правительством» или «космополитическим государством», а с использованием механизмов международной интеграции и утверждением принципов «глобального этоса».

Впервые упомянутая в трактате «О вечном мире» И. Канта идея глобального гражданства теперь вновь оказалась в центре внимания научной и философской мысли. М. Эван, к примеру, считает, что глобальное гражданство возможно по принципу его автоматического получения вместе с получением гражданства страны-члена ООН или же в форме индивидуального членства в этой организации [16]. В отечественной литературе тезис о возможности глобального гражданства обосновывают Ю.М. Резник и М.В. Ильин. Последний утверждает, что перемещения по миру должны быть урегулированы таким образом, чтобы комплекс прав и обязанностей индивида мог реализовываться независимо от места его пребывания, а гражданин мирового сообщества мог бы свободно осуществлять выбор этого места. Особенно активно эту идею поддерживает известный политический философ Ю. Хабермас. Если в работах большинства авторов идея глобального гражданства в значительной мере остаётся политической декларацией, то в трудах Хабермаса она оказывается логическим выводом из его концепций «постнационального общества» и «конституционного патриотизма».

Следует отметить глубокое понимание Хабермасом сущности глобализации, исследуя которую он проводит прямую аналогию с эпохой становления национальных государств в Новое время. «Сегодня мы стоим перед аналогичным вызовом», глобализация «лишь продолжает процесс, первым значительным примером которого стали интеграционные успехи национального государства», – утверждает Хабермас и предлагает «ориентироваться на образец как раз той исторической формы, которую мы собираемся преодолеть» [12, с. 199–200]. Именно так – «преодолеть». Но каким образом? Он не удовлетворяется «естественностью и неизбежностью» глобализации, как неолибералы, а хочет ускорить процесс. Если «спрямить» его мысль, получается, что так же, как в Новое время национализм перемолол локальные этнизмы, так теперь глобализация перемелет национализмы, и мы придём к «постнациональному обществу». Он, например, утверждает, будто «не только ФРГ, но и все европейские страны после Второй мировой войны развивались так, что уровень национально-государственной интеграции утратил вес и значимость, и они движутся к постнациональным обществам» [13, с. 141].

Хабермас совершенно точно раскрывает роль национализма в строительстве национального государства, связывая её с установлением абстрагирующей тенденции общественной модернизации и идентификацией граждан через национальное сознание благодаря культурной принадлежности к нации. Однако теперь, считает он, «национальное государство должно отвергнуть тот амбивалентный потенциал, который некогда действовал в качестве движущей силы» [12, с. 214]. Думаю, в этом вопросе Хабермас проявляет изрядную долю утопизма и сознательно отказывается от эффективного социокультурного интегратора во имя более толерантного, с его точки зрения, интегратора правового. Он утверждает, что «политическая культура той или иной страны кристаллизуется вокруг действующей конституции», а национальная культура всего лишь развивает ту или иную трактовку абстрактных и абсолютных принципов народного суверенитета и прав человека [12, с. 215].

Но это не так. Национальная культура всегда строилась и строится вокруг «символов» нации и развивает патриотизм и национализм как важнейшие

факторы ее возобновления. Примерами могут служить государственная национальная политика Франции XVIII–XIX вв. или Германии времен Бисмарка, объединившая полиэтническое мультикультурное население этих государств в «нации» – новые исторические общности людей, связанных между собой в сообщество не только общим гражданством (т. е. политически), но и общей исторической памятью, общим языком и общей культурой. Аналогичные (но, как потом выяснилось, явно недостаточные) процессы шли и в Советском Союзе.

Начиная с 1918 г. по всей стране возводились (иногда на прежних постаменты) памятники и монументы новым вождям, героям революции и «людям труда», были созданы шедевры киноискусства «Броненосец “Потемкин”», «Чапаев», «Петр Первый», «Александр Невский», «Нахимов»... Вместе с великой прозой А.Н. Толстого, М. Шолохова, К. Федина, поэзией Маяковского и Твардовского они создавали новое «символическое поле», в котором теперь оказывалось и новое «государство рабочих и крестьян»: его начинают воспринимать как «отечество», во имя которого можно не только убивать, но и добровольно умирать. Границы этого символического поля неуклонно расширялись: новое государство искало и создавало свои исторические корни, постепенно включая в пантеон исторической памяти выдающихся царей, полководцев и борцов «за народное дело», великих ученых, художников, прозаиков и поэтов, которые, с точки зрения власти, составляли гордость нового Отечества.

Так или примерно так во многих странах мира в сознании миллионов культурно разных людей формировался и формируется воображаемый ими образ общего им всем «Отечества – Нации» – «России», «Франции», «Германии» и других «наций-государств», за которые люди, повторю, готовы отдать свои жизни. Вместе с «гражданским сознанием» этот образ доминирует над более древними расовыми и этническими идентичностями, создавая то самое национальное единство населения страны, без которого государство будет крайне неустойчивым.

Так что невзирая на объединение Европы (ЕС) и объявленную политику мультикультурализма весьма сомнительно, что современные западные страны однозначно и неотвратимо движутся к «постнациональному обществу», во всяком случае, история последних десятилетий не даёт оснований для такого вывода. Ещё недавно именно «государство всеобщего благосостояния» рассматривалось (и на деле было) самой мощной в истории формой обеспечения социокультурной интеграции. Неслучайно именно в 1960-е гг. надежды на формирование культурно однородных обществ были наиболее сильны. Однако постепенная эрозия «государства всеобщего благосостояния» привела к резкому усилению культурной разнородности обществ. Чтобы справиться с этой разнородностью, были выработаны два способа: признать её, но как этнографическую реальность – в виде мультикультурализма, или ужесточить требования к иммигрантам в целях ограничения миграционных потоков. Можно использовать оба способа совместно. Появилось даже понятие «антропоток», фиксирующее не просто перемещение населения, но сопряжённые с этим социокультурные сдвиги, как у приезжих, так и в стране пребывания, приводящие к смене идентичностей.

Как показал Ж. Бодрийяр, в условиях фрагментизации культуры гражданская и культурная идентификации осуществляются через потребление. В этой связи появляется принципиальное отличие культурной идентификации, присущее современности: она идёт не через идеологическую мобилизацию и политическое участие, а через доступ к удовольствиям. Сам доступ контролируется, а потребитель получает во фрагментированной культурной среде специфическую идентичность, которая не является результатом его внутреннего развития, а сошла с конвейера, поставлена на поток. В свою очередь, растущая множественность самоидентификаций (религиозная, этническая, экологистская) снижает степень политической мобилизованности граждан, превращая их в демократически индивидуализированную массу. Массовая культура так или иначе находится в руках элиты и превращена в современный механизм символической интеграции, *формирующий новую идентичность глобального потребителя*, в которой сочетаются нивелировка и допущенная, более того, «изготовленная» мера своеобразия.

В настоящее время ситуация складывается таким образом, что под давлением значительной части населения правительства многих государств признали неэффективность политики мультикультурализма, которая на самом деле была просто попыткой следовать за событиями. И вновь в повестке дня старая проблема: каковы интегративные возможности социумов, принимающих мигрантов, и что влияет на повышение, а что – на снижение этих возможностей? Собственно, религия, верность монарху, национализм и были в истории такого рода интеграторами поликультурного населения многих стран. Когда переставал работать один механизм, находили другой. Проблемы с действием интеграционного механизма обусловлены в конечном счёте простым обстоятельством – способностью социума и, главное, желанием его элит обеспечить относительно сходные условия проживания для всех, кто претендует на гражданство. Если это не обеспечивается, общество неминуемо раскалывается. Многочисленные протесты коренного населения стран Евросоюза против инкультурных гастарбайтеров и мигрантов свидетельствуют об этом вполне убедительно. И это требует реанимации политики официального национализма, предполагающей акультурацию населения.

Но Хабермасу приятнее считать, что ФРГ ближе к «постнациональному самопониманию политического целого» благодаря её неизменной Конституции. Правовая реальность, являющаяся выражением и оформлением экономической и социокультурной, рассматривается им как определяющая. Поэтому ему остаётся лишь недоумевать и сожалеть, что в результате неолиберальной политики «источники общественной солидарности иссякают, так что условия жизни стран бывшего Третьего мира распространяются на центры Первого», а «низший класс создаёт социальное напряжение, которое разряжается в бессмысленных разрушительных мятежах и может контролироваться только репрессивными средствами; исходящая из гетто отравы распространяется на инфраструктуру городских центров и даже регионов и проникает во все поры общества» [12, с. 222, 223]. Хабермас тревожится за «универалистские основы республиканизма» и «статус среднего слоя» и винит в «восстании масс» неолибералов с их «постполитичностью» и атомарной анонимностью социума. Альтернативу неолиберальной политике он ищет вне рамок национального гос-

ударства, считая связку территории, нации, национального хозяйства и национализма устаревшей в условиях глобализации.

Свои надежды он связывает с «конституционным патриотизмом», более того, объявляет его единственно возможной и современной формой патриотизма [13, с. 140], который основывается «не на конкретной нации как целом, но на абстрактных процедурах и принципах» [13, с. 130]. Абстрактные идеи демократии и прав человека представляются ему опорой более надёжной, чем изменчивые национально-культурные традиции. Он считает, что конституционное государство будет формировать постнациональную идентичность, в этом ему видится противоядие от «отравы, выползающей из гетто». «Эта отрезвлённая политическая идентичность отделяется от фона прошлого, централизованного на национальной истории... национальность, ставшая в определённой мере более диффузной, отделяется от государственной принадлежности и освобождает место для политической идентификации с тем, что население в каждом конкретном случае считает важным сохранить в собственном государстве» [13, с. 123]. Но насколько это реально? В значительной мере содержание ответа на этот вопрос зависит от смыслов, которыми обременены понятия «идентичность» и «идентификация».

В специальной литературе существует множество типологий и классификаций идентичности: индивидуальные и групповые, позитивные и негативные, локальные и надлокальные, фундаментальные и релятивные. Самыми устойчивыми (фундаментальными) признаются расовые, этнические, национальные и цивилизационные идентичности, связанные с антропологическими, языковыми, культурными и религиозными различиями людей. А политические идентичности справедливо относят к числу релятивных, апеллируя к практике регулярной смены и уточнений человеком своих политических взглядов в течение жизни и в зависимости от изменений политического ландшафта [2–5]. На что же тогда рассчитывает Хабермас?

Он говорит о некоей вненациональной всеобщей политической культуре, которая позволит перестроить солидарность граждан «на абстрактной основе конституционного патриотизма» [13, с. 290], и надеется на то, что «разумное политическое взаимопонимание в том числе и между чужими» сделает «излишним гарантируемый культурной однородностью фоновый консенсус» [13, с. 289]. Демократический режим, по Хабермасу, может довольствоваться абстрактной солидарностью, и ему не обязательно прибегать к ментальной укоренённости в нации [13, с. 293]. Так современный классик, руководствуясь исключительно благими намерениями придать национализму чисто гражданскую форму, на деле совершенно в духе нашего постмодернистского времени деконструирует единственную оставшуюся скрепу стабильности полиэтнического государства – обусловленную историей и жертвами на благо отечества национально-культурную идентичность – во имя абстрактного конституционного патриотизма. И это при том, что Хабермас высказывается решительно против постмодернистских идей о «конце политики», столь чуждых ему как представителю реформистской мысли.

Альтернатива «концу политики», по мнению Хабермаса, могла бы возникнуть после замены неэффективных Международного банка и Международного валютного фонда «наднациональными дееспособными акторами:

примером может служить Европа» [12, с. 223–224]. Он ополчается против евроскептиков, стремящихся защитить «поблекшие добродетели национального государства», утверждая, что «граждане Европы (что обозначено только благодаря их общему паспорту) должны – невзирая на национальные границы – научиться взаимно признавать друг друга в качестве членов одной и той же государственно-политической системы. До сих пор ограничившаяся национальным государством гражданская солидарность должна распространиться на граждан Евросоюза» [13, с. 319, 322]. Думаю, это вряд ли случится. Политическая идентичность явно слабее и аморфнее национальных и этнокультурных идентификаций, так как жизнь не сводится к паспортам, конституциям и правовым нормам, а часто ломает и то, и другое, и третье. Поэтому считать сферу права устойчивой – иллюзия, правда, весьма распространённая среди теоретиков.

Другой вариант толерантного ответа на коллизию глобализации и национализма представлен концепцией «космополитического государства» известного германского социолога и политического философа У. Бека, перспективу которого он также связывает со становлением надгосударственных структур единой Европы. Он говорит о «западне национального», считая, что «национальный» (термин также берётся в кавычки) подход в мыслях и действиях народов и их правительств лишь разжигает взаимные столкновения, которыми пользуются глобализаторы для выбора экономически выгодных финансовых стратегий. Поэтому, как он считает, национализм поддерживает и укрепляет транснациональную мощь корпораций [1, с. 3, 4]. Вместо «тупиковой» национальной привязки политики, ведущей, по его мнению, к вражде, Бек предлагает использовать потенциал межгосударственного сотрудничества. «Реальная сила государств парализуется противоположным влиянием неолиберализма и национализма», и выход заключается лишь в ограничении независимости национальных правительств, создании транснациональных структур и пространства «объединённого суверенитета» [1, с. 5]. Преодоление внутренних сложностей и обретение правительствами новых возможностей в «противостоянии народу и оппозиции» он видит в отказе от национальной независимости.

Надо признать, ход мысли Бека несколько циничен. Возможно, правители, некоторые экономические и политические элиты много не потеряют за счёт выхода из «западни национального» и «утраты национальной независимости», т. е. того, что ещё как-то объединяло власть и народ в рамках национально-государственного целого. Но что выиграют все остальные – неясно. Тем не менее Бек предлагает рецепт в виде «космополитического государства», основывающегося «на индифферентности государства к признаку национальности» и допускающего «существование национальных идентичностей согласно закреплённому в конституции принципу толерантности» [1, с. 8].

Но в конституциях всех демократических полиэтнических государств уже закреплены равные права граждан (человека) независимо от их расовой, этнической, религиозной и иной принадлежности. К тому же принцип толерантности не является универсальной максимой для речевого и иного поведения людей. Абсолютизированная терпимость в космополитическом государстве открывает путь произволу и насилию. Так что ни при каких обстоятель-

ствах толерантность не должна оборачиваться попустительством злу, в частности терпимостью по отношению к посягательствам на свободу и достоинство человека.

То же самое можно сказать о принципе политкорректности, который стал нормой в большинстве англосаксонских стран, влекущей за собой вполне реальные юридические последствия для журналистов и представителей других профессий, которые называют вещи своими именами. Вот что заявила, например, в интервью газете «Московские новости» постоянный секретарь Французской академии, историк с мировым именем Элен Каррер Д'Анкосс: «Французское телевидение настолько политически корректно, что это просто кошмар. У нас есть законы, которые трудно даже себе представить при Сталине. Вы пойдёте в тюрьму, если скажете, что по телевидению показывали 5 евреев или 10 чёрных. Люди не могут выразить своё мнение об этнических группах, о Второй мировой войне и многих других вещах» (цит. по: [9]).

Принцип политкорректности, до 1990 г. нигде не зафиксированный юридически, сейчас узаконивается. В наше время эти законы появляются, как грибы после дождя. За последние пять лет суды в США вынесли несколько сотен обвинительных приговоров по делам, связанным с нарушениями законов политкорректности штатов (при отсутствии даже определения термина «политкорректность» в федеральном уголовном кодексе США), причём две трети приговоров были связаны с «сексизмом». В рамках англиканской церкви запрещены канонические (неполиткорректные) переводы Библии.

Но дело не только в юридической практике, явившейся уродливым выражением политики борьбы за голоса всех и всяческих, в том числе сексуальных, меньшинств. Есть и другие причины, по которым следует подвергнуть принцип политкорректности ostracismu. Во-первых, главный недостаток политкорректности заключается в том, что она противоречит основополагающему принципу демократии – свободе слова. Политические лоббисты политкорректности ввели цензуру на свободу и точность выражения мнений. Во-вторых, методологическим основанием идеологии, политики и практики политкорректности является теоретически сомнительная гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа, согласно которой картина мира в значительной степени определяется системой языка, на котором говорят люди. Грамматические и семантические категории языка служат не только инструментами для передачи мыслей говорящего, но и управляют мыслительной деятельностью, формируя идеи человека, а через это – и объективную социальную реальность. После публикации этой гипотезы в 1934 г. последовал ряд исследований мышления людей, говорящих на принципиально различных языках (американских индейцев, полинезийцев и эскимосов). Результаты исследований продемонстрировали, что язык действительно накладывает некоторый отпечаток на характер мышления говорящего на нём, что и так достаточно очевидно. Однако твёрдого, признанного академической лингвистикой доказательства гипотеза Сепира-Уорфа не получила. В-третьих, колоссальным недостатком практики политкорректности, т. е. космополитизма государства, является уже отмеченная абсолютизация принципа толерантности, выводящая за пределы оценки деяния не только этически и культурно сомнительные, но и уголовно преследуемые.

Если бы не усилия американских, а вслед за ними и немецких феминисток, в западном либеральном мире не распространялись бы так широко гей-клубы и подобные им заведения, не появилась бы лояльность к одним из наиболее омерзительных преступников – педофилам, не практиковалась бы в массовом масштабе коррекция пола и сексуальной ориентации. «Поневоле заподозришь, – справедливо отмечает К.С. Шаров, – что вовсе не гендерно-нейтральный новояз формирует новую политкорректную социальную реальность, терпимую ко всему, а определённые феминистские и иные сочувствующие им политические круги пытаются выдумать этот новояз как удачное прикрытие для их социальных амбиций. При прочих равных условиях во Франции, Великобритании или Скандинавских странах на работу возьмут женщину, а не мужчину. В Швеции или Дании при одинаковом балле на вступительных экзаменах в вуз возьмут человека, отметившего в анкете, что он “сексуально нетрадиционно ориентирован”, а нормальный будет изгнан вон. Самой социально защищённой фигурой в США является неработающая чёрная лесбиянка, которая в прошлом была мужчиной (она получает от государства пособие в 6500 \$/мес.)» [14, с. 41].

Но вернёмся к гипотезам У. Бека, основанным на убеждении в неотвратимости победы евроатлантической формы глобализации и негативной оценке политического гражданского государственного национализма, подкреплённого общей для всех граждан надэтнической (национальной) культурой. Глобализация, по мнению Бека, делает общество космополитичным, что требует «преодолеть понимание уникальной, единообразной, территориально определённой национальной родины» [1, с. 8]. Здесь наблюдается тот же ход мысли, что и у Хабермаса: искусственное противопоставление правового национальному, вывод о недемократичности и конфронтационности последнего и чисто формальное, абстрактное понимание права, игнорирование того, что оно само вырастает из национальной истории и оформляет её в ходе становления национального государства, где борьба за нацию и за демократию совпадают. Нет необходимости говорить о том, что полигоном «космополитического государства» для Бека выступает Евросоюз. И в отечественной литературе, правда, в значительно меньших масштабах можно встретить схожие идеи. И. Кремер, например, утверждает: «Сомнительно, что национальной идеей непременно является национализм. Для новых поколений современных западных стран такой идеологией с 1960–1970-х гг. стал европеизм, т. е. нечто противоположное национализму» [6, с. 112].

Не ставя под сомнение благородные устремления Ю. Хабермаса и У. Бека, вновь позволю себе усомниться в эффективности их предложений. «Конституционный патриотизм» и «космополитическое государство» – из области благих пожеланий далёкого будущего, которое, быть может, никогда не наступит. В современной действительности существует не субъект права с паспортом в кармане, а человек во всей его целостности, с его мечтами, символами, традициями – тем, что формирует его идентичность. Всякие попытки навязать ему идентичность сверху во имя толерантности обречены на провал. К тому же они исходят из возможности формирования некоей «глобальной культуры», по поводу которой крупнейшим британским специалистом в области теории и истории национализма Энтони Д. Смитом было верно замечено,

что эта гипотеза не в состоянии учесть укоренённость культур во времени и пространстве и зависимость идентичности от памяти. Поэтому, с точки зрения этого автора, неудивительно, что «культурные измерения проекта европейской интеграции окружает неразбериха и что существуют различные модели окончательного объяснения “Европы”, многие из которых считают как нацию, так и национальное государство своими основными ориентирами» [8, с. 394].

В конце XX в. испанская исследовательница М. Гиберно остроумно заметила, что «инженеры новой Европы должны будут рассмотреть “общеевропейские тенденции” и разработать миф о происхождении, переписать историю, изобрести традиции, ритуалы и символы, которые создадут новую идентичность; но ещё важнее то, что они должны будут найти общую цель, проект, способный мобилизовать энергию европейских граждан» [15, р. 114]. Сославшись на это замечание, Э. Смит логично констатирует: «Но это значит, что придётся создать определённую форму национализма, поднимающую проблемы не только “нехватки демократии”, но и этнического и даже расового исключения иммигрантов, воздвигнуть внешние культурные (а также экономические) барьеры» [8, с. 395]. Адепты наднационального и космополитического как лекарства от конфронтационности не только вынуждены будут (в соответствии с логикой всемирно-исторического процесса глобализации: расширение – интеграция – идентичность) создавать новый национализм, но и сам национализм будет нуждаться, да и сейчас уже нуждается, в новом образе чужого, врага в лице иммигрантов, их потомков. Это наблюдается сейчас в европейской политической жизни, например, во Франции.

Нельзя не согласиться с германским профессором-богословом М. Спикером, который считает, что «ответом гражданского общества на политические вызовы глобализации не должна быть его трансформация в глобальное гражданское общество» [10, с. 305]. Ведь гражданская солидарность предполагает в качестве основы наличие общей культуры, языка, эмоционального склада, формирование которых на глобальном уровне невозможно. Более того, под воздействием глобализации не исключено усиление спонтанных процессов самоорганизации тех или иных национальных и этнических сообществ в качестве реакции на давление извне. В результате может происходить как усиление национального единства, так и возрождение тех или иных исторических общностей в рамках государств-наций.

При благоприятных условиях возможно укрепление региональных основ гражданской солидарности, как, например, в рамках Европейского союза, хотя ещё очень далеко до образования сколько-нибудь единого гражданского общества. Более того, именно этот процесс стимулирует мотивы национальной обособленности, националистические партии стабильно получают свою долю голосов на выборах. Классические государства-нации формировались на основе более или менее сложившегося гражданского общества. В настоящее время в Европе нет ещё общеевропейского гражданского общества, т. е. паневропейской публичной сферы, которая бы обеспечивала реальный диалог различных интересов, – это признают даже активные сторонники «европейской альтернативы» [11, с. 391]. Поэтому ускоренное строительство паневропейских политических институтов, не обеспеченное живым развитием гражданского общества, приведёт и уже приводит лишь к излишней бюрократизации.

Пожалуй, наиболее весомым аргументом в пользу необходимости создания глобальных институтов управления, является неконтролируемый рост биомедицинских и – шире – всех научных технологий, использование которых потенциально грозит человечеству катастрофическими последствиями. Так, летом и осенью 2018 г. по обе стороны Атлантики прошли несколько конференций по проблемам хронополитики (борьбы за будущее), на которых выступили лидеры ведущих «фабрик мысли». Один из докладов сделал шведский философ, директор Института будущего человечества Оксфордского университета, автор нашумевшего бестселлера об искусственном интеллекте Ник Бостром. Он подробно рассказал сильным мира сего о своей «концепции чёрных шаров в уязвимом мире». По его мнению, на историю человечества можно взглянуть и таким способом: используя метафору процесса извлечения шаров из урны, подобно тому как это происходит при жеребьевке чемпионатов мира. «Шары» представляют собой всевозможные идеи, технологии, институции, открытия и даже привычки. За время существования человечество извлекло очень много шаров, но среди них не было ни одного по настоящему «черного шара», который содержал бы технологию, безальтернативно и по умолчанию разрушающую цивилизацию, которая ее создала.

Причина того, что нам не попался настоящий чёрный шар, по мнению Бострома, не в какой-то особой человеческой мудрости или осмотрительности сильных мира сего. По его мнению, нам пока просто везло: ни одна человеческая цивилизация не была разрушена до основания своими собственными изобретениями. А теперь это может случиться. И чтобы избежать вселенской катастрофы, Бостром предлагает реализовать *принцип дифференцированного научно-технологического торможения*.

«Надо прямо и честно сказать себе, – говорит Бостром, – что национальные государства – лидеры сегодняшнего мира – успешно ведут человечество к опустошению цивилизации. Они занимаются азартной конкурентной борьбой за овладение любой новой технологией, в том числе той, которая помечена чёрным шаром» (цит. по: [7]). Поэтому внедрение принципа научно-технологического торможения потребует создания «наднациональной разведывательной и контрразведывательно-карающей структуры, способной к ежедневным практическим действиям. Это должно стать своего рода глобальной научной инквизицией» [7]. Однако в отличие от инквизиции эта структура должна определять не научность или ненаучность тех или иных разработок, а их опасность для человечества.

Единственную альтернативу хаоса, который воцарился в настоящее время в мировом сообществе, Бостром видит в установлении жёсткого глобального управления. Из-за дискредитации термина «мировое правительство» он не называет глобальное управление этим словом, а предпочитает использовать термин «специальный комитет». Функции специального комитета должны быть ограничены конкретной проблемой сдерживания научно-технологического прогресса. В этих рамках он должен иметь право в приказном порядке потребовать от любого правительства, включая правительство Соединенных Штатов Америки, выполнить те или иные действия либо предоставить выполнение этих действий на территории страны особым силам спецкомитета. Таким образом, Бостром предлагает модель ограничения суверенитета всех стран мира в части технологического развития. Ни одна страна не

может ссылаться на то, что она суверенна, и соответственно может на своей территории делать все, что ей заблагорассудится.

Несмотря на то, что совокупность предложений Бострома, по сути, представляет собой современную версию Паноптикума Иеремии Бентама, они имеют рациональное зерно: не говоря уже об уровне ответственности действующих правительств, сейчас уровень сложности обществ, технических устройств, а также телекоммуникационных сетей заметно превысил уровень управления. Поэтому вероятность глобальной катастрофы крайне велика. «Несомненно, – полагают Е. Ларина и В. Овчинский, – эта концепция окажет влияние на выбор тех или иных решений в сфере хронополитики, как в Соединенных Штатах и Великобритании, так и, вероятно, в странах ЕС. Несомненно, её будет учитывать в своих практических действиях Китай и примет во внимание Япония» [7]. Но, учитывая рост противоречий внутри международного сообщества последнего десятилетия, я бы не был излишне оптимистичен.

Полагать, что в обозримом будущем суверенная политика национальных государств будет вытеснена глобальными силами – преждевременно. Любая попытка конструировать мировое правление в современных условиях, когда глобального и даже макрорегионального гражданского общества нет, обернется лишь антидемократическими перекосами. Куда как реалистичнее направлять усилия на взаимодействие региональных органов, национальных государств и международных организаций в решении тех или иных глобальных проблем.

В этом случае центральной становится проблема обеспечения диалога идентичностей: межкультурного, межнационального, глобального. Возможности такого диалога будут расширяться по мере перехода от распространенного ныне этоса эффективности (иерархии ценностей, задающей стиль мышления и жизни той или иной группы – этноса, нации и др.) к глобальному этосу, определяющему стиль мышления и общие правила поведения для представителей всех культур, конфессий и цивилизаций. Попыткой примирения этих двух этосов может считаться концепция К.-О. Апеля, в которой проводится идея дополнительности между справедливостью для всех и стремлением к обеспечению блага для собственного народа (этноса). Вместе с тем столь меркантильное понимание этоса вряд ли вызовет сочувствие среди представителей незападных культур, которые будут видеть в этом желание под флагом мультикультурализма сохранить доминирование Запада.

Безусловно, прав А.А. Гусейнов, когда пишет, что для глобализации человечества (в его терминологии – «становления глобального мира») одного лишь диалога культур недостаточно. Предполагается, что глобализированный мир будет в культурном отношении разнообразным, но в своих общецивилизационных проявлениях – экономических, политических, административных, информационно-технологических и др. – он будет единым. Судя по всему, всемирно-исторический процесс глобализации человечества пока реализуется именно таким образом. Но для того, чтобы интегрировать человечество в некую глобальную целостность, сохраняющую культурное многообразие, нужен именно глобальный этос – единая нравственная смысложизненная основа, присущая всем очень разным культурам и религиям. Для того чтобы его сформировать, необходимо выделить и включить в Кодекс глобального поведения (который не исчерпывается нормами международного права) ценности, реаль-

но признанные людьми самой разной этнокультурной и религиозной принадлежности. Вопрос «Как жить совместно?» остро стоит сейчас именно из-за недостатка общечеловеческого публичного пространства для обсуждения всех актуальных проблем. Желания некоторых современных держав Запада преобразовать все страны мира по евроатлантическим лекалам, навязывая свои ценности, приобретает подчас «дикий», насильственный характер «приобщения к демократии». Последнее недопустимо. Можно согласиться с бывшим Генеральным секретарём ООН Бутросом Гали, который выдвигал идею разработки всемирного плана демократизации. Но это – дело будущего.

Список литературы

1. Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль. 2004. № 7. С. 6–8.
2. Гранин Ю.Д. Глобализация и национализм // Философские науки. 2006. №7. С.5-23.
3. Гранин Ю.Д. Роль образования в формировании российской нации // Высшее образование в России. 2006. № 10. С.150-156.
4. Гранин Ю.Д. Власть и экологическое сознание // Свободная мысль. 1994. №2–3. С.32–39.
5. Гранин Ю.Д. Национальное государство и самоопределение наций // Свободная мысль. 2003. №9. С.82–94.
6. Кремер И. Этнократия – новая угроза? // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 5. С. 111–114.
7. Ларина Елена, Овчинский Владимир. Глобальная научная инквизиция Ника Бострома [Электронный ресурс] URL:// http://zavtra.ru/blogs/provozhaya_2018_god_tehnologicheskij_armagedon_chyornie_shari_v_uyazvimom_obshestve_global_naya_nauchnaya_inkvizitciya_nika_bostroma (Дата обращения: 10.12.2018 г.)
8. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 466 с.
9. Слуцкий Л.И. Тяжёлое заболевание Запада [Электронный ресурс] URL: // http://world.lib.ru/s/sluckij_1_i/politkorrektnost.shtml (Дата обращения: 10.12.2018 г.)
10. Спикер М. Глобализация и развитие: перспективы христианской социальной доктрины // Глобализация и столкновение идентичностей. М.: Московское представительство Фонда им. Конрада Аденауэра, 2003. С. 300–317.
11. Философия коммуникации. Теоретико-методологические аспекты. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2017. 272 с.
12. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 296 с.
13. Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. 368 с.
14. Шаров К.С. На тёмной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 30–43.
15. Guibernau M. Nationalisms. Cambridge: Polity Press, 1996. 174 p.

16. Evan W.M. Identification with the human species: A challenge for the twenty-first century // Human relations. 1997. V. 50, № 8. P. 987–1003.

**PROJECTS OF THE NEW WORLD ORDER.
FROM THE NATIONAL STATES TO GLOBAL INSTITUTES
MANAGEMENTS**

Yu.D. Granin

Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article analyzes various projects of the new world order in the XXI century. Most of them are based on the idea of the extinction of «nation states» and the entry of humanity into the era of «global institutions». According to the author, national states have not yet exhausted their capabilities. Therefore, the prospects for the development of mankind in the foreseeable future are not connected with «global citizenship», «world government» or «cosmopolitan state», but with the use of mechanisms of international integration.

Keywords: *state, cosmopolitanism, national, government, forecast.*

Об авторе:

ГРАНИН Юрий Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, г. Москва. E-mail: maily-granin@mail.ru

Author information:

GRANIN Yury Dmitriyevich – PhD, leading researcher of IFRAN, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: maily-granin@mail.ru